

В.А. Лившиц

ТРИ СЕРЕБРЯНЫЕ ЧАШИ ИЗ ИСАКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА № 1*

В 1989 г. археологическая экспедиция Омского государственного университета вела раскопки Первого Исаковского могильника, расположенного неподалеку от Омска. Раскопками руководил заведующий кафедрой первобытной истории В.И. Матющенко. Результаты этих работ до сих пор, насколько мне известно, не опубликованы. Сведения о находках сообщил мне Матющенко в письме, присланном в ноябре 1989 г.; сотрудник Государственного Эрмитажа В.Ю. Зуев, познакомившийся с материалами могильника в Омске в мае 2001 г., предоставил дополнительные данные о находках.

При раскопках погребения 6 (курган 3) сотрудник экспедиции Л.И. Погодин нашел три серебряные чаши с надписями. Судя по письму Матющенко, кроме трех серебряных чаш в погребении 6 Первого Исаковского могильника найдены золотые поясные пластины со сценами борьбы змея с верблюдами, пластинчатый железный доспех, железное кованое копье, остатки лука и колчана и ряд других предметов. По мнению Матющенко, по археологическим данным погребение датируется III–II вв. до н.э., «возможно, чуть моложе, но не старше»¹.

1. Исаковская надпись на ложчатой чаше № 1 – круговая, вырезанная очень неглубоко на бортике сосуда (рис. 1, 2, 3а–л – см. вклейку, 4). Бортик изогнут, что затрудняет фотографирование. Вес чаши – 612, 2 г. Надпись фиксирует наиболее ранний этап истории хорезмийской письменности, возникшей на основе арамейского алфавита ахеменидской эпохи (имперский арамейский). Формы почти всех букв этой надписи, как и надписи на чаше № 2, сходны по начертаниям с имперским арамейским. Исключение составляет лишь буква *s* (арам. *самех*). О том, что надписи на исаковских чашах не арамейские по языку, а хорезмийские, можно судить по нескольким апеллятивам. В то же время число арамейских идеограмм в исаковских надписях весьма значительно, как этого и следовало ожидать для среднеиранской письменности арамейского происхождения².

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 99-01-00321а.

¹ Письмо В.И. Матющенко от 9.11.1989 г. О датировке Первого Исаковского могильника III–I вв. до н.э. см. Матющенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. С. 61.

² Ср. арамейские идеограммы в более поздних хорезмийских текстах: монетных легендах, известных с I в. н.э.; документах на дереве и коже и отпечатках кож на глине из дворца Топрак-калы (конец II–III в.); надписях на серебряных сосудах VI–VIII вв.; надписях на оссуариях из некрополя Ток-калы VII – середины VIII в. См. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1967 (о дате – с. 52); Топрак-кала. Дворец. М., 1984. С. 251–286 (о дате – с. 253); Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. 1964. № 3. С. 166; Толстов С.П., Лившиц В.А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала // СЭ. 1964. № 2. С. 50–69 (о дате – с. 68); Livshits V.A. The Khwarezmian Calendar and the Eras of Ancient Chorasmia // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. T. XVI. Budapest, 1968. P. 433–446; Гудкова А.В., Лившиц В.А. Новые хорезмийские надписи из некрополя Ток-калы и проблема «хорезмийской эры» // Вестник Каракалпакского филиала АН Узб. СССР. Нукус. 1967. № 1. С. 3–19; Henning W.B. The Choresmian Documents // Asia Major. N.S. V. XI. Pt 2. L., 1965. P. 166–179 (о дате – р. 168–170).

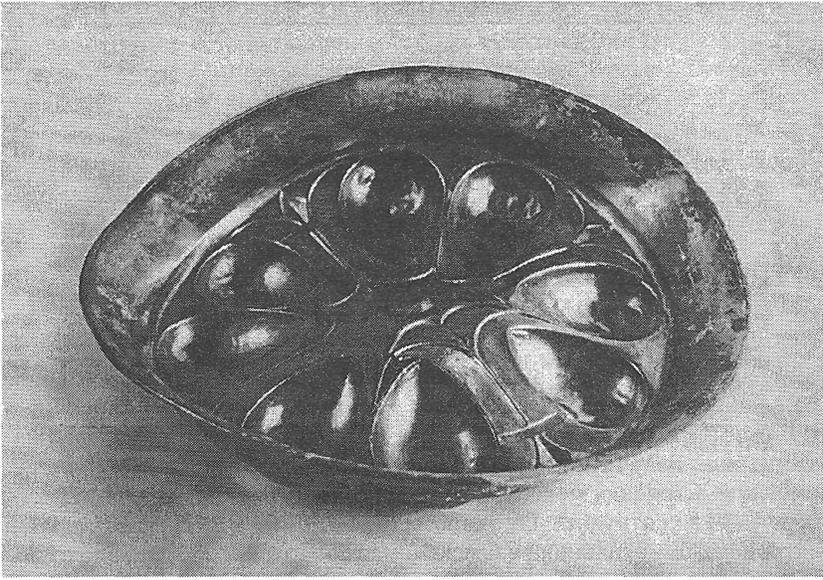

Рис. 1. Исаковка 1. Курган 3. Погребение 6. Серебряный фиал № 1. Общий вид сосуда. Фото Л.И. Погодина

ТЕКСТ ИСАКОВСКОЙ НАДПИСИ № 1

tšt ZNH wtykny MN βrʔwny tḥwmkn (или tswmkn) W KN ʔHRY MRʔY MLKʔ ʔmwrzmn BR MLKʔ wrdn mzdʔhy ʿBDw QPD (или QPR) GYN III³ prwrtyn «Эта пиршественная чаша от Барзавана, (сына) Тахумака (или Тасумака). И вот затем: государь царь Амуржам, сын царя Вардана, (в) дар ему (сосуд) сделан ... 3-го (месяца) *фравартин*».

Комментарий: tšt /tašt/ «чаша». Слово засвидетельствовано также в парфянской надписи на серебряной чаше (фиале), найденной в 1911 г. при раскопках курганного погребения у деревни Прохоровка Оренбургской губернии. Эта надпись, содержащая всего два слова – tšty ʔtrwmtʔ «чаша Атармитра», была издана акад. П.К. Коковцовым⁴.

В.Б. Хеннинг, опубликовавший среднеперсидскую надпись на серебряной чаше III в. н.э., которая была найдена в одном из погребений некрополя Мцхета-Армази, древней столицы Грузии, предполагал, что в начале надписи, перед именем владельца сосуда и его родословной, имеются, возможно, следы слова tʔšty «чаша». Он писал, что только дальнейшее исследование оригинала надписи может решить этот вопрос⁵. Хеннинг мог пользоваться только фотографией, опубликованной в 1958 г.⁶

Я имел возможность в 1977 г. проверить чтение надписи по оригиналу и следов tʔšty не обнаружил. Ф. Жинью, исследовавший оригинал, также отмечает, что tʔšty в мцхетской надписи нет⁷.

³ Горизонтальный штрих над знаками единиц.

⁴ *Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. С приложением академика П.К. Коковцова и С.И. Руденко. Пг., 1918 (МАР. № 37). С. 16, 82–83. Табл. I. Ср. также *Лившиц В.А.* О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научн. конф. Ч. 2. СПб., 2001. С. 161–162.

⁵ *Henning W.B.* A Sasanian Silver Bowl from Georgia // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* 1961. V. 24. Pt 2. P. 355. Not. 6.

⁶ Мцхета. I. Тбилиси, 1958. Табл. 49, 3.

⁷ *Gignoux Ph.* Noms d'ustensiles (argenterie et poterie) en moyen-iranien // *Documents et archives provenant de l'Asie Centrale.* Kyoto, 1990. P. 78. Пользуюсь случаем, чтобы исправить свою ошибку. В надписи на сереб-

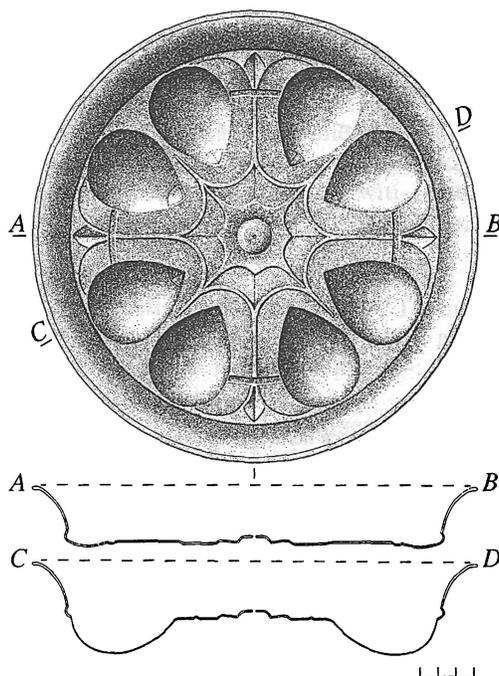

Рис. 2. Внешняя поверхность фиала № 1

Среднеиранское и новоперсидское *tašt* восходит к древнеиранскому *tašta-*, засвидетельствованному в текстах Младшей Авесты в значениях «чашка, чаша»⁸. Этимологически слово связано с авестийским *tašta-* «вырезанное», пассивным перфектным причастием от *taš-* «вырезать, кроить», древнеиндийским *taštá* (от *takṣ-* «обтесывать, отрубать; обрабатывать»), латинским *testa-* «терракота, черепок; (глиняная) миска, горшок, сосуд», русским *тесать* – все из протоиндоевропейского **teḱr-*, **teḱrta*⁹.

Среднеперсидское *tašt* обозначало «чаша, кубок»¹⁰, но также «лохань, таз»¹¹. Из среднеперсидского *tašt*, *taštak* «чаша, чашка» заимствовано в армянский¹²; грузинское

ряной чаше из коллекции Мохсена Форуги, опубликованной Ф. Жинью и именуемой в его публикации «второй парфянской» (*Gignoux Ph. Coupes inscrites de la collection Mohsen Foroughi // Monumentum H.S. Nyberg. T. I. Leiden, 1975 = Acta Iranica, 4. P. 271. Fig. 3–4*), я по фотографии читал первое слово надписи, плохо сохранившейся, как *tšt* (*Лившиц. О датировке надписей ... С. 164–166*). Более детальное изучение надписи показало, что чтение *tšt* следует отвергнуть. Жинью (*Coupes inscrites... P. 271*) видел в начале надписи *lwtm(r)(u)(n)*; наиболее вероятным мне сейчас кажется чтение (...) *mttrdt* «сосуд (?) Михрдата». Название сосуда остается неясным. Отмечу попутно, что в другой парфянской надписи на серебряной чаше из той же коллекции Форуги (*Gignoux. Coupes inscrites ... P. 276. Fig. 28–31*) обозначение сосуда – арамейская идеограмма *ŠRQT*, ср. араб. *šrq* «скользить, течь». Я вижу в этой надписи: *ŠRQT ZNH NPŠH LY šmtrmly dnywškn* «Эта чаша принадлежит мне, Чаматфарну (?), сыну Денвача» (*Лившиц В.А. Новые парфянские надписи из Туркмении и Ирака // Эпиграфика Востока. XXII. Л., 1984. С. 23. Прим. 19*). С чтением *ŠRQT* согласился как будто и Жинью (*Noms d'ustensiles... P. 77–78*). Странное чтение предложил недавно П.О. Шёрвэ, который вместо *ŠRQT* видит *š't hny* – «счастливым да буду», см. *Skjærvø P.O. The Joy of the Cup: a Pre-sassanian Middle Persian Inscription on a Silver Bowl // Bulletin of the Asia Institute. N.S. V. 11. Bloomfield Hill, 1997 (2000). P. 93*.

⁸ *Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. 2. unveränderte Auflage. B., 1961. Sp. 628, 646.*

⁹ *Pokorny J. Indogermanisches etymologischen Wörterbuch Bd I. Bern – München, 1959. S. 396, 1058.*

¹⁰ *MacKenzie D.N. A Concise Pahlavi Dictionary. L., 1971. P. 82; Nyberg H.S. A Manual of Pahlavi. II. Wiesbaden, 1974. P. 192.*

¹¹ *Gignoux. Noms d'ustensiles ... P. 78.*

¹² *Hübschmann H. Armenische Grammatik. I. Theil: Armenische Etymologie. Lpz, 1897. S. 251–252.*

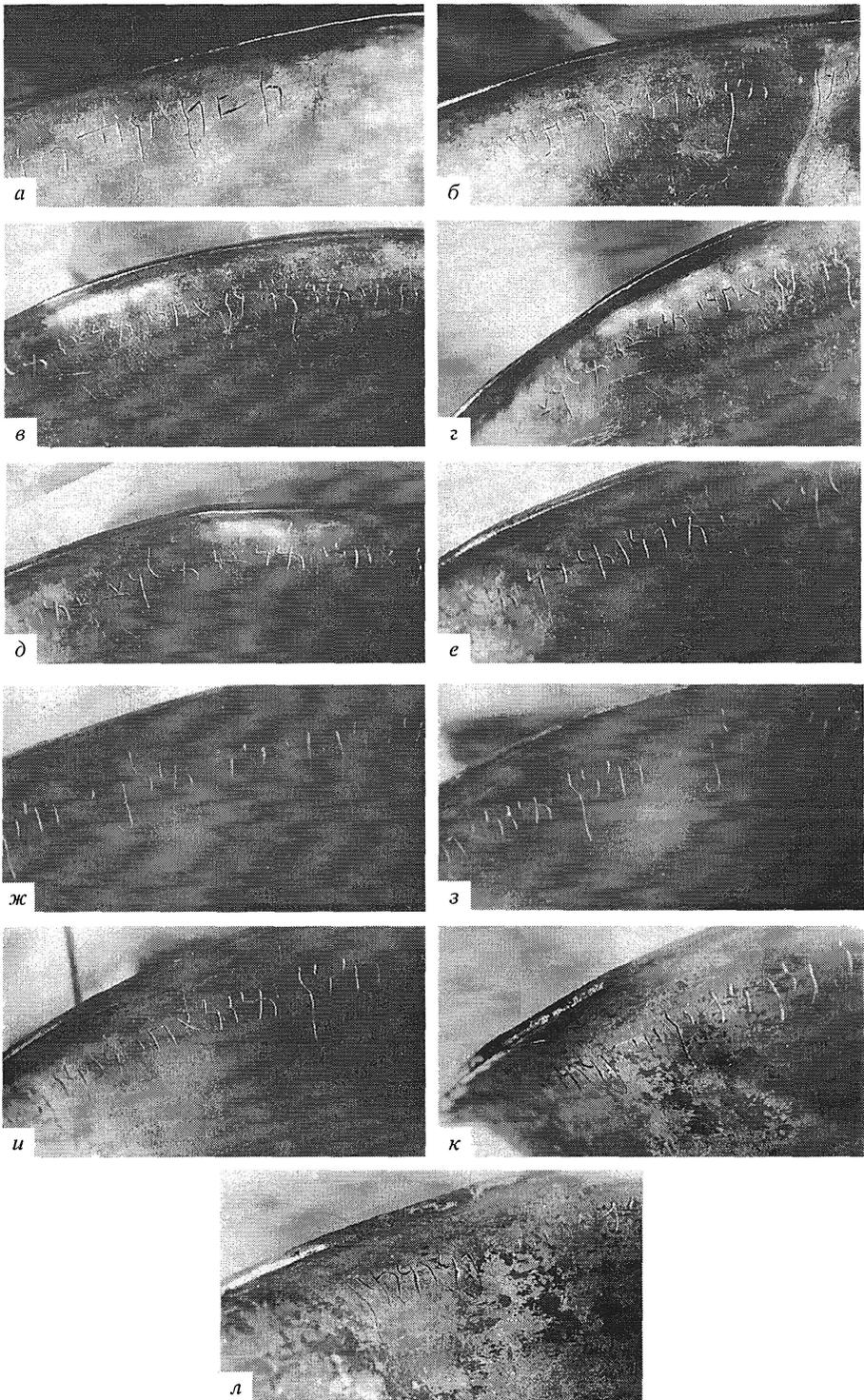

Рис. 3 а-л. Серебряный фиал № 1. Хорезмийская надпись. Фото Л.И. Погодина

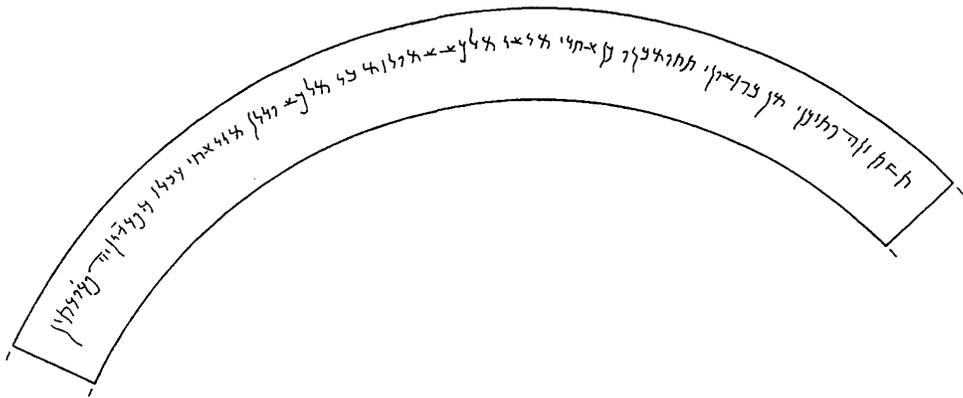

Рис. 4. Прорисовка надписи полностью, сделанная Я.В. Смеркиной

t'ast'i в тех же значениях пришло либо из армянского, либо непосредственно из среднеперсидского. В парфянских манихейских текстах представлены tāst, tāstak «чаш(к)а, кубок»¹³, с неожиданным для парфянского -st- из -št-.

В современном персидском tāšt – «большой таз (металлический), корыто»¹⁴, в сходном значении слово заимствовано в арабский: ṭašt, ṭašt, ṭišt «таз для умывания»¹⁵. В семитские языки слово проникло уже весьма рано, на что указывают сирийское ṭšq' «чаша, блюдо» и ṭšq' «глубокое блюдо, лохань» в арамейском диалекте Вавилонской Гемары¹⁶. Из арабского ṭast было заимствовано в турецкий и далее во многие европейские языки¹⁷.

Следующее слово в исаковской надписи № 1 – идеограмма ZNH, имперско-арамейское указательное местоимение муж. р. ед. ч. (zēnā) «этот». Соответствие ему в хорезмийском второй половины III–II в. до н.э. (время, к которому можно отнести надписи на исаковских чашах № 1 и 2) может быть лишь предположительным. В хорезмийских текстах на арабо-персидской графике, относящихся к XII–XIV вв.¹⁸, наиболее вероятным претендентом для нашей надписи кажется предок указательного местоимения pīn, pī «этот», выступавший в атрибутивной функции в постпозиции к определяемому¹⁹. Д.Н. МакКензи возводит pī(n) к сложению указательной префиксальной частицы p- с местоименной основой *aina- (среднеперсидское ēn, новоперсидское īn)²⁰. Если p- родственно согдийским постпозитивным аффиксам -пах, -пē,

¹³ Boyce M. A Word-List of Manichaean Middle Persian and Parthian. Téhéran – Liège, 1977 (Acta Iranica, 4a). P. 86.

¹⁴ Персидско-русский словарь. Т. 1. М., 1970. С. 373.

¹⁵ Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М., 1976. С. 474.

¹⁶ Telegdi S. Essai sur la phonétique des emprunts iraniens en araméen talmudique // JA. T. 226. Fasc. 2. P., 1935. P. 245.

¹⁷ В итальянском – tazza, французском – tasse, немецком – Tasse «чаша», русском таз (древнерусское тазь), см. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого с дополнениями О.В. Трубачева. Т. IV. М., 1973. С. 10; Nyberg. A Manual ... S. 192. К персидскому tašt, арабскому ṭast восходит в конечном счете и русское стакан, старорусское достакань из чагатайского tostakan «деревянная мисочка», см. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. СПб., 1905. С. 1211; Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971. С. 743.

¹⁸ Хорезмийские календарные, обрядовые, ботанические и минералогические термины приведены в арабской графике в трудах ал-Бируни (конец X–XI в.).

¹⁹ Боголюбов М.Н. Местоимения в хорезмийском языке // Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. 1963. 67. С. 99; Henning W.B. A Fragment of a Khwarezmian Dictionary / Ed. D.N. MacKenzie. L., 1971. P. 44.

²⁰ MacKenzie D.N. The Khwarezmian Element in the *Qunyat al-Munya*. L., 1990. P. 118.

сочетающимся с местоименными основами (например, согд. х̄опах, х̄оп̄е «тот, он», где х̄о < *hau-), и ягнобским препозитивным пах-, паһ- при указательных местоимениях (так, ягноб. паһа́х «тот самый, тот, он»)²¹, то раннехорезмийским соответствием для п̄и(п) могло быть *pahēp или *paēp.

wtykny «пиршественный, относящийся к трапезе, пиру» – относительное прилагательное с суффиксом -kāna-/kāñi от раннехорезмийского *witi-, значение которого объясняется сопоставлением с древнеиндийским witi- «жертвенная, торжественная еда»²². Суффикс -kn или скорее -kny/-kāñi (?) / образовывал, очевидно, как и в согдийском -k'ny, -q'ny²³, относительные прилагательные.

Идеограмма MN (араб. min) для предлога со значением «из, от» употребляется во всех текстах, написанных хорезмийским письмом²⁴. Трудно определить, как звучал этот предлог в хорезмийском второй половины III–II в. до н.э., поскольку нам неизвестно время падения начального h- и озвончения -ç-: древнеиранское *haça могло в этот период развиться в *haç, *aç, *has, *as.

В brz²wny, имени лица, подарившего чашу, конечное -y, очевидно, флексия одного из косвенных падежей (возможно, p-хор. *-i из древнеиранского *-u(ā), флексии локатива). Следует заметить, что в документах из дворца Топрак-калы (конец II–III в. н.э.) в сочетаниях с MN личные имена не осложнены флексией в отличие от сочетаний с предлогом направления 'L, для которых характерно чередование -y/-Ø²⁵.

В brz²wn первый компонент восходит к *barz- «высокий, возвышенный»²⁶ – основе, запечатленной во многих древнеиранских и среднеиранских антропонимах²⁷. Значение второй части имени мне неясно. Обозначение -ā- *алефом* заслуживает внимания, ибо в раннехорезмийских памятниках это явление редкое²⁸.

ḥwmtknw (tswmtknw?), поссессив с формантом -nw /-ānu/, выступающий в качестве патронима: Тахимаkānu «сын Тахумака». Такие поссессивы известны по хорезмийским надписям VII–VIII вв. на оссуариях из некрополя Ток-калы, например, srwywk tyšy²n²nw «Srawywk, сын Tišyān'a»²⁹. Поссессивы с -ānu продолжают, вероятно, в п.-хор. -ān – падежной флексии генитива мужского рода единственного числа.

Существует, однако, и другая возможность толкования ḥwmtknw, и она кажется мне предпочтительней. Конечный -w может быть арамейским союзом W «и», который

²¹ Henning W.B. Ein manichäisches Bet- und Beichtbuch. B., 1936 (Abhandlungen der Preußischen Akad. der Wiss. 1936, № 10). S. 70; Gershevich I. A Grammar of Manichean Sogdian. Oxf., 1954. P. 208; Андреев М.С., Пецерева Е.М. Ягнобские тексты. С приложением ягнобско-русского словаря, сост. М.С. Андреевым, В.А. Лившицем и А.К. Писарчик. С. 289–290.

²² Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd III. Heidelberg, 1968. S. 236–237.

²³ Gershevitch. A Grammar... P. 162.

²⁴ В дальнейшем язык этих текстов мы будем именовать раннехорезмийским (p.-хор.) в отличие от позднехорезмийского (п.-хор.) языка XII–XIV вв., пользовавшегося арабо-персидской графикой.

²⁵ Топрак-кала. Дворец. С. 258: MN ²wrštk, MN ²βy²wprn, MN nrsw, но 'L m²xky, 'L wxšwβrky, 'L srtk, 'L wrms²k.

²⁶ В п.-хор. βž (<*barz-) – «длинный».

²⁷ Так, в Авесте: *Vərəziaršti-* (Vṛzāršti-), букв. «с высоко (поднятым) копьем», *Vərəzišnu-* (Vṛzišnu-) «имеющий высокие колени», *Vərəzišvantī-* (Vṛzvant-) «возвышенный, высокий»; в древнеперсидском – *Vṛdiya-*, гипокористик от усеченного двусоставного имени. Об именах с *barz-, *brz- в древнеиранских и среднеиранских языках см. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. S. 63, 65–66, 73–74; Гринтовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 210, 239; Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973. S. 145, 219, 314; *idem*. Iranisches Personennamenbuch. Bd I. Fasz. 1: Das avestischen Namen. Wien, 1977. S. 31–32; Hinz W. Altiranisches Sprachgut der Nebenüberlieferungen. Wiesbaden, 1975. S. 67–68; Gignoux Ph. Iranisches Personennamenbuch. Bd II. Fasz. 2: Noms propres sassanides en moyen-persé épigraphique. Wien, 1986. P. 55, 61–65, 93; Sims-Williams N. Sogdian and other Iranian Inscriptions of the Upper Indus. II. L., 1992 (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Pt II. V. III). P. 46.

²⁸ Так, в еще не опубликованном остраке, найденном на городище Кюлалы-гыр 2 (левобережный Хорезм) и относящемся, вероятно, к II–I вв. до н.э., личные имена Rašn(u)ḍatak, Waxš(u)ḍatak, пишутся ḡnwḍtk, wḥšwḍtk. Ко II–III вв. н.э. *алеф* для -ā-, как показывают документы из дворца Топрак-калы, стал употребляться регулярно.

²⁹ Henning. The Choresmian Documents. P. 178–179.

писался, как правило, слитно с предыдущим словом. В этом случае *ṭḥwmkn* (Тахумакан) является патронимом с суффиксом *-ān* от Тахумак, либо с суффиксом *-akān* от Тахум. Оба эти типа патронимов известны в других среднеиранских языках (среднеперсидском, парфянском, согдийском). Этимологию имени *Ṭḥwm* (или *Ṭḥwmk*, *Tswm*, *Tswmk*) мне установить не удалось.

WKN ʾḤRY «и вот затем»; сочетание, предшествующее акту дарения чаши и напоминающее переход от формулы адресования к сути сообщения в арамейских письмах. Арам. *W(wa)* «и» соответствует р.-хор. *ut*, п.-хор. *ud*; для арам. *KN (ken)* «вот, так» я раннехорезмийское соответствие определить не мог; арамейскому *ʾḤRY* (ʾaḥaḥi) «конец, наконец, затем»³⁰ в п.-хор. соответствует как будто по значению *rcʾbyṭ*, *f-rcʾbyṭ*³¹, однако раннехорезмийский эквивалент остается неизвестным.

MRʾY MLKʾ «государь царь». Это сочетание идеограмм (букв. «мой господин царь», арам. *māḡimalkā*) могло быть официальным титулом царей Хорезма – оно присутствует в монетных легендах, что заметил уже С.П. Толстов, первым начавший изучение хорезмийской письменности³². *MRʾY MLKʾ* появляется на сравнительно поздних эмиссиях (по расчетам Б.И. Вайнберг, не старше IV в. н.э.)³³, ранее на хорезмийских монетах представлено только имя царя и *MLKʾ*. Однако не исключено, что в нашей надписи *MRʾY MLKʾ* выступает как торжественное обращение донатора к царю.

Хорезмийское соответствие для *MLKʾ* неизвестно³⁴; *MRʾY* в раннехорезмийском, как и в согдийском и парфянском, служило идеограммой для *xwataw*. Об этом можно судить по монетам – на одной из эмиссий, кроме *MRʾY MLKʾ* и имени царя Хорезма, помещено слово *ḥwṛʾw*³⁵.

*mwrzm /Āmuržam/, имя царя, букв. «сострадающий, жалостливый, сочувствующий», *āmurž-* от иранского корня **mržd-*, авест. (гат.) *mərəž-dā-* «прощать, сострадать» (*mərəždātā* «сострадай!», Y. 33.11), *mərəždika-*, *marždika-* «сострадающий, сострадание, жалость»³⁶, др.-инд. *mṛḍayati* «он сострадает»³⁷, среднеперсидское, новоперсидское *āmuržidan* «прощать, жалеть, миловать», парфянско-манихейское *huātužd* «жалостливый, сочувствующий, благотворительный», *amužd* «милосердие, сострадание, прощение»³⁸, хотано-сакское *mulysdi* «благосклонность; милосердие, сострадание»³⁹. Суффикс *-am* в *Āmuržam* восходит к др.-ир. **-ma-* или **-man-* (например, др.-перс. *Ura-dar-ma-*)⁴⁰, ср. согд. *-m* (*snʾm* «купание» и др.)⁴¹.

Идеограмма *BR* (арам. *bar*) «сын» в хорезмийском впервые представлена в нашей надписи. Патроним, в отличие от обозначения отца донатора, для царской фамилии был бы, конечно, оскорблением. Сопоставление *BR* со среднеперсидской идеограммой *BRH*, букв. «его сын», парфянской и согдийской *BRŪ* («мой сын») показывает, что отбор арамейских форм для идеограмм в канцеляриях каждой из стран, где вводились иранские письменности на арамейской основе, происходил самостоятельно⁴². *BR* соответствует р.-хор. *puhr* (**puhra-*), п.-хор. *puḡ(pr)*.

³⁰ *Jean Ch.-F., Hoftijzer J. Dictionnaire des inscriptions sémitiques de l'Ouest. Leiden, 1965. P. 10; Beyer K. Die aramäischen Texte vom Toten Meer. Göttingen, 1984. S. 508.*

³¹ *Benzing J. Chwaresmischer Wortindex. Wiesbaden, 1983. S. 521.*

³² *Толстов С.П. Монеты шахов древнего Хорезма и древнехорезмийский алфавит // ВДИ. 1938. № 4 (5). С. 131–145.*

³³ *Вайнберг. Ук. соч. С. 58, 82–84.*

³⁴ П.-хор. *šāh* – «царь» заимствовано из персидского.

³⁵ *Вайнберг. Ук. соч. С. 60, 84.*

³⁶ *Bartholomae. Op. cit. Sp. 1175.*

³⁷ *Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoiranischen. Bd 2. Heidelberg, 1994. S. 326–327.*

³⁸ *MacKenzie. A Concise... P. 8; Boyce. Op. cit. P. 11.*

³⁹ *Bailey H.W. Dictionary of Khotan Saka. Cambr., 1979. P. 338.*

⁴⁰ *Kent R.G. Old Persian. 2nd ed. New Haven, 1953. P. 51.*

⁴¹ *Gershevitch. A Grammar... P. 166.*

⁴² На это указывают и различия в идеограммах для календарных терминов, см. *Толстов, Ливищ. Ук. соч. С. 57.*

Отец Амуржама, также царь Хорезма (титул MLK³ применительно к нему может указывать, что MR³Y MLK³ не было официальным титулом), носил имя, хорошо известное в западноиранских языках уже по крайней мере с ахеменидской эпохи – Wardān (откуда и армянское Vardan)⁴³, ср. согд. Wrδ'n, Wrδ'n⁴⁴, в хорезмийском Wardān. Происхождение имени точно не установлено; предполагалось видеть в нем патроним с -ān от *Ward, букв. «роза», или производное от корня *ward-«возрастать», авест. varad-⁴⁵.

mžd³hу (miždā-hē) «дар ему» или «награда ему». Раннехорезмийское miždā связано с авест. mīzdā «наемная плата; выгода; польза; выигрыш; подарок»⁴⁶, древнеиндийским mīdhā- (mīlhā-) «состояние, спор; заработанная плата; награда»⁴⁷, среднеперсидским mīzd «награда, вознаграждение, наемная плата, плата»⁴⁸, новоперсидским mīzd «плата за труд, вознаграждение»⁴⁹. С авест. mīzdā связаны также осетинское иронское mīzd, дигорское mīzd «заработанная плата; плата наемному работнику, вознаграждение за труд, за услугу»⁵⁰, согдийское mīzd/mīžd/ «вознаграждение»⁵¹, хотаносакское māšdāna «щедрый, дарующий награды, устанавливающий заработанную плату»⁵².

Значение «дар, награда» в христианских и манихейских текстах связывается с «добрым посланием, добрыми новостями», а затем и с «евангелием». Отсюда среднеперсидские-манихейские mīzdağ («хорошие» новости; послание), mīzdağtāz «послани-ник», mīzdağtāzih «евангелие», парфянско-манихейские mīzdağ («хорошие» новости, послание), mīzdağdāg «посланник»⁵³. К этому гнезду примыкают также согдийско-христианские mīzdwc'q /mīzdučāk/ «евангелие» (адаптация парфянского), mīzdybrq' /mīzdē-varačū/ «евангелие», согдийско-манихейское mīzti'k /mīzđāk или mīzđē/ «приносящий евангелие» (из парфянского mīzdağ)⁵⁴.

В хорезмийском сочетании mīz³hу заслуживает внимания *алеф*; он обозначает либо долгий, либо краткий исходный гласный. В раннехорезмийском miždā принадлежало, возможно, к существительным женского рода (авест. mīždā-, др.-инд. mīdhā- – среднего рода). Предположение о сходстве орфографических приемов в раннехорезмийском и позднехорезмийском, вопреки различию письменностей, может показаться

⁴³ Justi. Op. cit. S. 351–353.

⁴⁴ Sims-Williams. Op. cit. P. 76.

⁴⁵ Hübschmann. Op. cit. S. 82; Sims-Williams. Op. cit. P. 76.

⁴⁶ Bartholomae. Op. cit. Sp. 1187–1188. Значение «Geschenk, подарок» для авестийского слова приводится у Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd II. S. 643. О религиозном и фило-софском значении авест. mīzda см. Kellens J. Essay of Zarathushtra and Zoroastrianism. Costa Mesa, 2000. P. 6.

⁴⁷ Mayrhofer. Kurzgefaßtes... Bd II. S. 642–643; idem. Etymologisches Wörterbuch des Altindoiranischen. S. 357–358.

⁴⁸ MacKenzie. A Concise... P. 56.

⁴⁹ Производным от mīzd является новоперс. mīzdūr (< mīzdwar) «наемный работник, батрак» (среднеперс. mīzdwar). От этого слова происходят названия современного селения Mozdūrān в Иранском Хорасане (около 100 км к востоку от Туса), а также горной цепи Kūh-i Mozdūrān. Эти топонимы, построенные по обычной в персидской модели названий, данных по профессиям или социальным группам (ср., например, Gulāmān – селение в Хорасане), вызвали недоразумение в современной иранистике. Х. Хумбах предложил возводить Mozdūrān к древнеиранскому *Mazdā-Ahura- (Humbach H. The Gāthās of Zarathushtra and the Other Old Avestan Texts. Bd I. Heidelberg, 1991. S. 40), эта гипотеза была названа «блестящей» И. Гершевичем (Gershevich I. Approaches to Zoroaster's Gāthās // Iran. 1995. 33. P. 26). Ссылки Хумбаха на племя масдораниан и горы Масдоран, упоминаемые у Клавдия Птолемея (VI. 5. 1), ничего не меняет: современные названия селения Mozdūrān и горной цепи Kūh-i Mozdūrān – новообразования, никакого отношения к *Mazdā-Ahura- не имеющие, и соответственно привлекать их в исследованиях по истории зороастризма – бесполезно.

⁵⁰ Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. Л., 1973. С. 145–146.

⁵¹ Reichelt H. Die sogdischen Handschriftenreste des Britischen Museums. II. Teil. Heidelberg, 1931. S. 16–17.

⁵² Bailey H.W. Prolexis to the Book of Zambasta. Cambr., 1967 (Indo-Scythian Studies being Khotanese Texts, VI). P. 279–280; idem. Dictionary of Khotan Saka. P. 333.

⁵³ Boyce. Op. cit. P. 58–60.

⁵⁴ Bailey. Prolexis... P. 280; Gershevitch. A Grammar... P. 172.

фантастической гипотезой, однако внешнее сходство налицо: ср., например, в текстах XII–XIV вв. $\delta yd / \delta y u d a /$ «дочь», $\delta y d ^{p} h y / \delta y d \dot{a} - h i /$ «его дочь».

Энклитическое местоимение р.-хор. $h\bar{e}$, п.-хор $h i$ продолжает др.-ир. $*h a i$, авест. $h\bar{e}$ (генетив–датив). Примечательно написание в нашей надписи $h y$, с h – (*xem*), хотя h и h в хорезмийском письме различаются во все периоды его истории, обозначая соответственно фонемы /h/ и /x/.

$'BDw$ – «сделали» или «сделано», по форме эта идеограмма может быть либо арам. 3 л. мн. ч. муж. р. перфекта $'e b \dot{a} d \dot{u} /$ «они сделали», либо основой идеограммы – $'BD$ в сочетании с комплементом (иранской флексией) $-w$, который может указывать на соответствие хорезмийскому перфектному пассивному причастию – «сделано». Раннехорезмийская система глагольных идеограмм до сих пор не исследована из-за скудости материалов⁵⁵, поэтому для исследования ее структуры приходится обращаться к парфянской системе, довольно полно представленной в памятниках II в. до н.э. – II в. н.э.

В.Б. Хеннинг, анализируя глагольные идеограммы в парфянском тексте документа Авроман III (53 г. н.э.), считал конечный $-w$ комплементом – показатели презенса: $ZBNw$ «он покупает» $'KLw$ «он ест, пользуется», $MZBNw$ «он продает». Комплемент $-t$ – показатель претерита (образовавшегося из пассивного перфектного причастия): $ZBNt$ «он купил»⁵⁶.

Однако документы на остраках из Нисы (II–I вв. до н.э., старейший из найденных до сих пор – 151 г. до н.э.), фиксирующие уже осуществленные хозяйственные операции, показывают, что идеограммы с комплементами $-w$ и $-t$ обозначают прошедшее время, причем чередуются в документах в одних и тех же контекстах, без видимых различий грамматических значений: $HN'Lw$ и $HN'Lt$ «внесено», $Q'YLw$ и $Q'YLt$ «засчитано», $YNTNw$ и $YNTNt$ «отдано», $YTKYNw$ и $YTKYNt$ «предназначено». Ясно, что формы, скрываемые за идеограммами с $-t$, являются 3 л. ед. ч. претерита ($HN'Lt$ соответствует, вероятно, парф. *apespart*, $YNTNt = d\dot{a}t$, $YTKYNt = patsaxt$ или *passaxt*). Как звучали идентичные по значению идеограммы с $-w$, остается неясным. На то, что идеограммы с $-w$ обозначают формы прошедшего времени, указывает и парфянско-греческая билингва, вырезанная на статуе Геракла из Селевкии (II в. н.э.): $MRDPw$ «он преследовал», $'HDw$ «захватил»⁵⁷.

Ф. Альтгейм, считавший, что иранские тексты появляются лишь в III в. н.э., с приходом Сасанидов, а до тех пор писали только по-арамейски, не мог объяснить $-w$ в формах $ZBNw$, $MZBNw$ и т.п. на материалах «имперско-арамейского». Он призвал на помощь энклитическое местоимение 3 л. ед. ч. муж. р. $hw / h\bar{u} /$, выступающее в роли глагольной связки в восточноарамейских диалектах – сирийском и еврейско-арамейском (вспомним, что «имперско-арамейский» относился к западным диалектам). При этом $h\bar{u}$ теряло начальный согласный и в таком виде присоединялось к формам перфекта: $*'e b \dot{a} d - \bar{u}$ «он сделал», что позволяет, согласно Альтгейму, считать арамейской парфянскую (и добавим мы – также хорезмийскую) идеограмму $'BDw$, или к причастию: $*' \dot{a} b e d - \bar{u}$ «делающий есть > сделал», как «объясняет» Альтгейм возникновение среднеперсидской идеограммы $'BYDWN$ ⁵⁸.

Рассуждения Альтгейма о сочетаниях с энклитикой $-h\bar{u} > -\bar{u}$ несостоятельны: такие сочетания редки и в восточноарамейских диалектах, а в раннем «имперско-арамей-

⁵⁵ Так, в документах из дворца Топрак-калы сохранилась только одна глагольная форма – идеограмма $YHYB$ «он дал» или «выдано» (см. Топрак-кала. Дворец. С. 257).

⁵⁶ *Henning W.B. Mitteliranisch // Handbuch der Orientalistik. Bd IV: Iranistik, Abschnitt 1: Linguistik. Leiden – Köln, 1958. S. 30.* Ср. также *Gignoux Ph. Glossaire des Inscriptions Pehlevies et Parthes. L., 1972 (Corpus Inscriptionum Iranicarum. Supplementary Series, I). P. 45: 'KLW – vxarēt; P. 59; MZBNW – fravaxšēt; P. 68: ZBNW – xřinēt, ZBNt – xřit.*

⁵⁷ *Morano E. Contributi all'interpretazione della bilingue greco-partica dell'Eracle di Seleucia // Proceedings of the First European Conference of Iranian Studies. Pt I. Rome, 1990. P. 236–237.*

⁵⁸ *Altheim F., Stiehl R. Supplementum Aramaicum. Aramäisches aus Iran. Baden-Baden, 1957. S. 65; idem. Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden. Lief. I. Frankfurt am Main, 1963. S. 38.*

ском» их нет вовсе. Ошибочны и выводы Альтхейма о поздней фиксации в письменности иранских языков⁵⁹.

После этого долгого, но необходимого экскурса, вернемся к раннехорезмийскому 'BDw. Точное фонетическое раскрытие этой идеограммы установить трудно: в п.-хор. основа презенса 'k- /ikk-, akk-/ (<*kup-), в сложных словах выступает вариант с сохранением -п-: -kpk⁶⁰. Возможно, что в раннехорезмийском основа презенса звучала еще /*kup-/; но восстановить форму 3 л. мн. ч. имперфекта (от основы презенса) я не отваживаюсь⁶¹. Претерит, из перфектного пассивного причастия («сделан»), мог иметь форму /*kart/ или /*kirt/, в п.-хор. 'ktk /aktek?/, из *kartaka- или *krtaka-. Идеограмма для р.-хор. претерита – 'BDt – представлена в краткой курсивной надписи на одной из серебряных чаш (VII в.?) собрания Государственного Эрмитажа⁶²: рх(?) п'k žyg'pw hy'n 'BDt «Пах(?)нак, сын Шира, (для?) них сделано».

Следующий сегмент текста надписи остался для меня неясным. Кажется наиболее вероятным, что это сочетание двух идеограмм – QPD (или QPR) и GYN. В позднем арамейском таргумов, талмудов и мидрашской литературы qpd /qāpad/ в породе *na'эль* имел значения «сжимать, свертывать», а также «гневаться, быть восприимчивым, быть особенным; заботиться»⁶³; *gyn* в этой породе – «покрывать, окружать, защищать»⁶⁴. В контекст надписи эти значения не вписываются.

Надпись заканчивается датой – 3-го дня месяца *фравартин*. Этот – 1-й – месяц «зороастрийского» календаря, авест. *frauuašingm*, в р.-хор. имел еще, очевидно, форму *frawartīn*, ср. *βrwrtn*, *βrwrtyn* в надписях на токкалинских оссуариях, в п.-хор. – *gwjcn* /*rawarcina*, *gewercina*/ в календарном списке ал-Бируни⁶⁵.

Примечательно, что в отличие от известных до сих пор среднеиранских надписей на предметах торевтики – среднеперсидских, парфянских, согдийских, хорезмийских, бактрийских, только в некоторых хорезмийских надписях указывается, что сосуд подарен определенным лицом. Эта особенность формуляра наблюдается и в надписях на некоторых хорезмийских серебряных чашах VI–VIII вв.⁶⁶

2. Исаковская надпись № 2 глубоко врезана на стенке чаши (рис. 5, 6). На внутренней стороне чаши в центре круга – изображения трех дельфинов, перемежающиеся тремя цветками. Ближе к краю чаши выгравированы по кругу изображения чередующихся трех дельфинов и трех уток.

⁵⁹ О парфянском языке документов из Нисы и контракта Авроман III см., например: *Harutà S. Formation of Verbal Logograms (Aramaicograms) in Parthian* // Orient. Tokyo, 1992. 28. P. 17–36; *Schmitt R. Parthische Sprach- und Namenüberlieferung aus Arsakidischer Zeit* // Das Partherreich und seine Zeugnisse / Hrsg. von J. Wieshöfer. Stuttgart, 1998. S. 163–204. Позволительно будет упомянуть и многочисленные публикации и исследования парфянских идеографических текстов, изданных покойным И.М. Дьяконовым и автором настоящей статьи. Странным образом П.О. Шёрвэ, один из выдающихся современных иранистов, разделяет мнение Ф. Альтхейма (*Skjærvø P.O. Verbs in Parthian and Middle Persian Inscriptions* // Studia Grammatica Iranica. Festschrift für H. Humbach. München, 1986. S. 433–434; *idem. Aramaic in Iran* // *Aram. L.*, 1995. T. 7. P. 289). Примечательно замечание Шёрвэ относительно функций и происхождения конструкции с (h)ū в сирийском: «It is not clear from the handbooks to what extent this was a "genuine" Aramaic practice; it may be (if my interpretation is correct) just an Iranian practice» (*Aramaic in Iran*. P. 289. Not. 7).

⁶⁰ *Henning. A Fragment...* P. 22–23.

⁶¹ В п.-хор. 3 л. мн. ч. имперфекта – mk'g, с аугментом m- и флексией -āg.

⁶² *Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения*. СПб., 1909. Табл. XX, 46.

⁶³ *Yastrow M. A Dictionary of the Targumim, the Talmud Babli and Yerushalmi, and the Midrashic Literature*. V. II. L. – N. Y., 1903. P. 1402.

⁶⁴ *Yastrow. A Dictionary...* V. I. P. 239.

⁶⁵ gwj'n в Стамбульской рукописи «Хронология». Ср. *Henning. Mitteliranisch*. S. 82–83; *Livshits. Op. cit.* P. 444.

⁶⁶ *Смирнов. Ук. соч.* Табл. XIX, 42, 43, 45, 47; Табл. CXIV, 286; *Бадер О.Н., Смирнов А.П.* «Серебро замкамов первых веков нашей эры». М., 1954. Рис. 9, 10 (прорисовка надписи); *Бадер О.Н.* Камская археологическая экспедиция в 1957 году // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 1960. 78. С. 97. Рис. 34 (общий вид чаши); *Azarpay G. Nine Inscribed Chorasmian Bowls* // *Artibus Asiae*. Ascono, 1969. T. 31. Fasc. 2/3. P. 190. Pl. 4, a (фотография надписи).

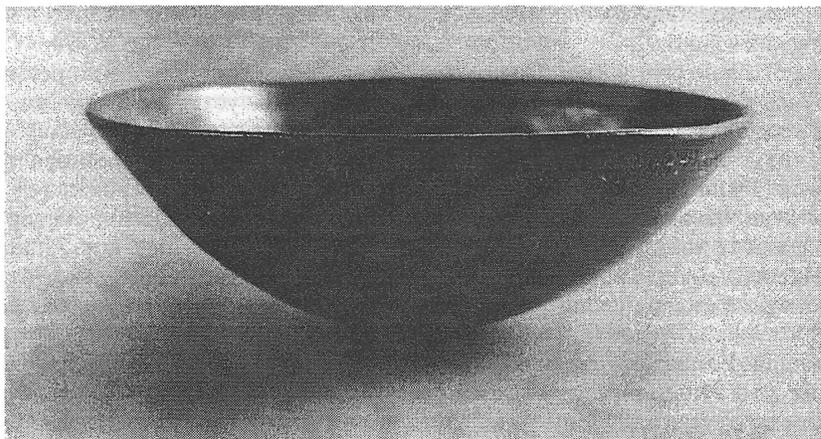

Рис. 5. Серебряный фиал № 2. Общий вид сосуда. Фото Л.И. Погодина

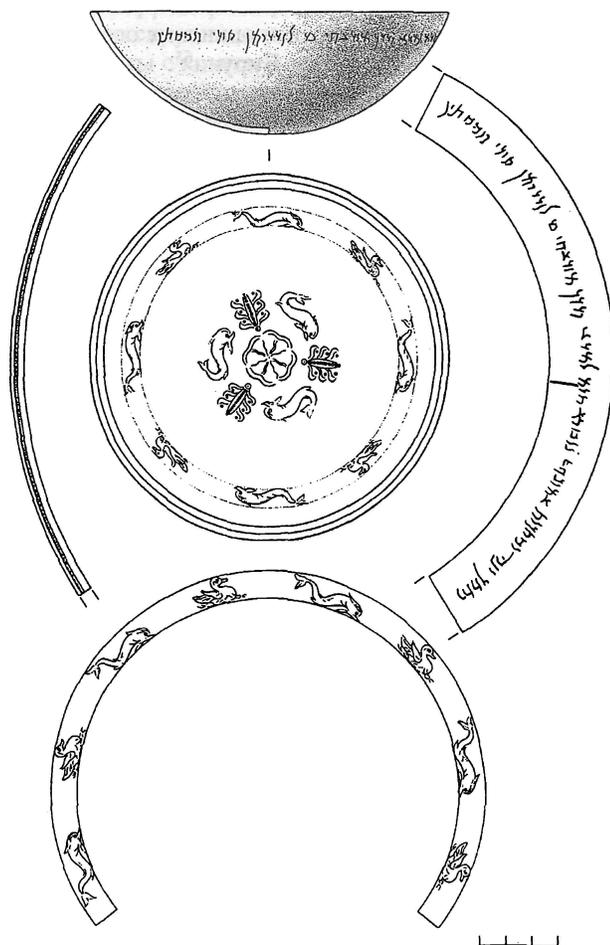

Рис. 6. Внутренняя поверхность. Прорисовка Я.В. Смеркиной

wtsk ZNH 'QT (или RQT, DQT) KZT ṽmwβxš ZZ B 1×100(+)²⁰ SRM (S'M, SDM) LMR'Y wṛdk mzd³hy WR (или WD) LYD gwmn (δwmn?) tury PZQQ(?)TYN «Эта чаша ... весом (?) в 120 статеров ... государю Вардаку – дар ему ... Через Руман(?) Тира...».

Комментарий: В этой надписи, в отличие от № 1, мне удалось понять лишь несколько слов.

wtsk /wātsak/ – обозначение сосуда, восходящее к древнеиранскому *wātsaka- и родственное латинскому vās (<*vāts-), vāsis «ваза, сосуд» и хотано-сакскому vasī «сосуд»⁶⁷.

Следующие слова: 'QT (или RQT, DQT) и KZT, по-видимому, идеограммы, значение которых мне не удалось установить.

ṽmwβxš – судя по контексту, это слово должно иметь значение «вес»; -βxš – «часть», но для ṽmw- этимона я найти не смог.

ZZ B 1×100(+)²⁰ «(весом) в 120 драхм». В хорезмийском драхма (идеограмма ZZ /zuz/, п.-хор. *δrhm) имела значение статер, п.-хор. 'stryk, stryk, мн. ч. 'stryc; /ester/ из satēr «статер»⁶⁸. В драхмах (идеограммы ZWZN и другие варианты) обозначается вес и на хорезмийских чашах VI–VIII вв., причем веса чаш подтверждают, что драхмы имеют значение статера – около 16 г. Вес исаковской чаши № 2, если принять статер за 16 г, должен составлять 1920 г.

SRM (S'M, SDM) – вероятно, очередная идеограмма, значение которой мне неизвестно.

LMR'Y «государю, господину», социальный его ранг достаточно неопределен, ясно лишь, что он принадлежит к хорезмийской знати. О раннехорезмийских соответствиях для арамейских предлогов L и B (в сочетании ZZ B 120) можно строить лишь предположения. Для L возможно *pat (из др.-ир. *patī), п.-хор. p-.

wṛdk (Wardak), личное имя, подобно Wardān в надписи № 1, может быть суффиксальным вариантом к *Ward «цветок» или производным от *ward- «возрастать».

После известного уже по надписи № 1 сочетанию mzd³hy/mīzdā-hē/ «дар ему», с тем же h- в hy вместо h-, вновь следует, очевидно, идеограмма BD (или WD, но в других словах этой надписи начертания beta и wava иные!), также ждущая еще идентификации.

В заключительном сегменте надписи также многое остается непонятным. Сочетание LYD gwmn (или δwmn) tury должно, вероятно, означать «через (лицо), вручившее сосуд». Это лицо либо имело сложное имя gwmn tury, в котором ясно лишь tury – Tir, либо gwmn (или δwmn?) – обозначение какой-то должности или социального ранга.

Идеограмма LYD имеет скорее всего значение «через посредство». В арамейском lyd чаще всего употреблялось в качестве предлога «рядом, около, вдоль»⁶⁹, однако в деловых иранских документах идеограмма LYD выступала в значении «под ответственность кого-либо, под властью кого-либо» и, как производное, «через кого-либо». Так, в парфянских документах из Нисы сочетание LYD duzpty или ḥštr ... ḤMR ... HN'Lt «через начальника крепости (или сатрапа) ... вино ... внесено» означает, что начальник крепости ответственен за доставку вина⁷⁰.

⁶⁷ Bailey. Op. cit. P. 380.

⁶⁸ Henning W.B. The Khwarezmian Language // Z.W. Togan'a Armağan. Istanbul, 1956. P. 429; idem. Mittelperianisch. S. 53; Schwartz M. On the Vocabulary of the Khwarezmian *Muqaddimat l-Adab*, as edited by J. Benzing // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Wiesbaden, 1971. Bd 120. Ht 2. P. 294–295.

⁶⁹ Beyer. Op. cit. S. 593.

⁷⁰ Интерпретация LYD как «находящийся в распоряжении, пользовании», которой И.М. Дьяконов и автор настоящей статьи оперировали в первых изданиях документов из Нисы, неверна. При таком толковании в распоряжении и начальника крепости, и сатрапа оказывались чуть ли не все имения и виноградники в окрестностях аршакидской столицы – Нисы. Отметим попутно, что в арамейских надписях V в. до н.э. на ритуальных каменных предметах (ступках, пестиках, блюдах, столиках), предназначенных, очевидно, для приготовления сока хаумы и доставленных из укрепленных поселений Арахосии в Персеполь, lyd имеет два значения: а) «находящийся в распоряжении, под властью», например, в prkn byrē lyd ṽy'wḥwš sgn'

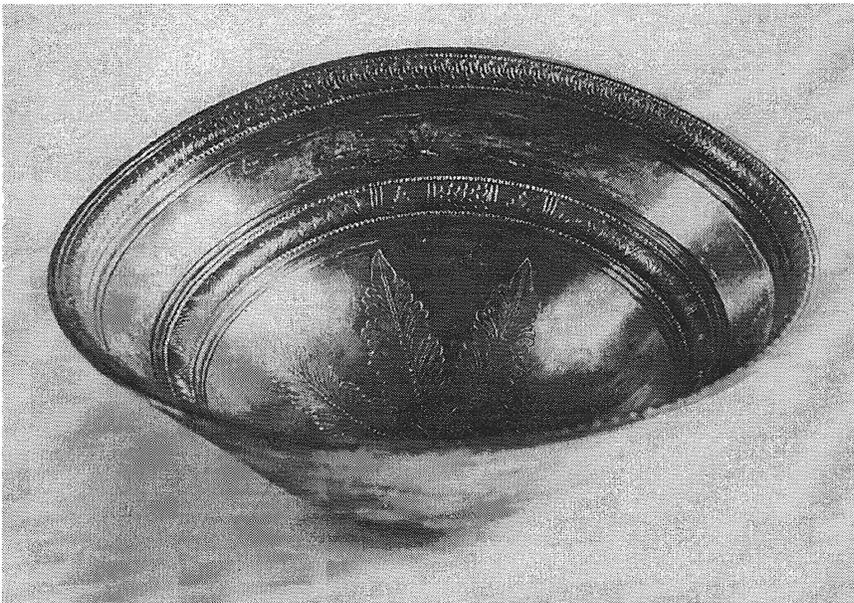
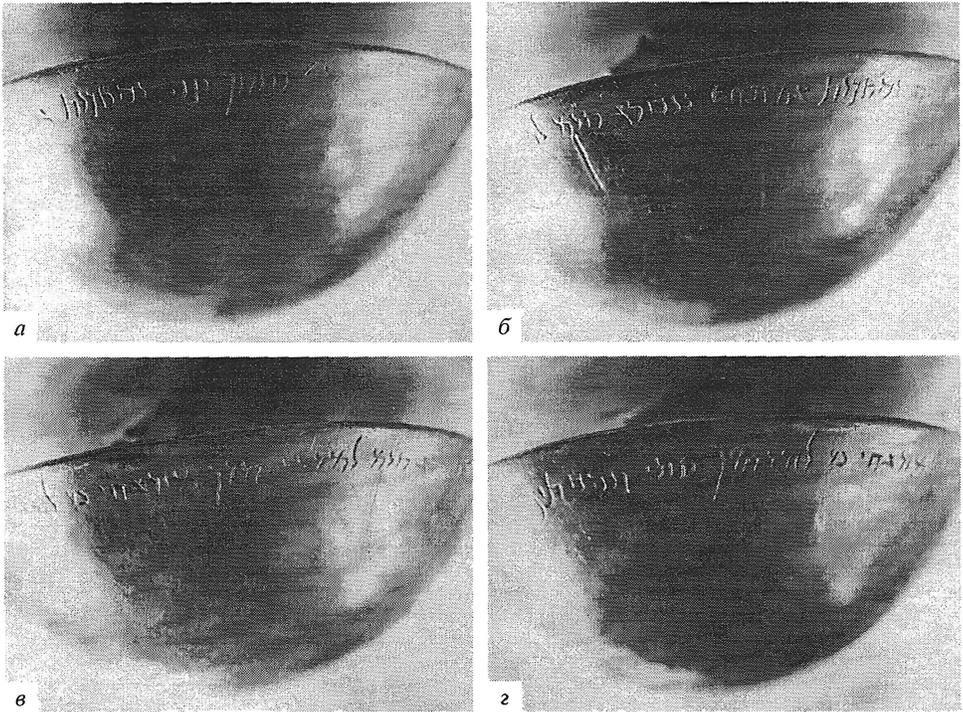

Рис. 7 а-г. Серебряный фиал № 2. Хорезмийская надпись. Фото Л.И. Погодина

Рис. 8. Серебряный фиал № 3. Общий вид сосуда Фото Л.И. Погодина

Рис. 8. Серебряный фиал № 3. Общий вид сосуда. Фото Л.И. Погодина

В надписях на хорезмийских чашах VI–VIII вв. название сосуда – стандартное: ʾrβnṭn (вариант ʾruβnṭn), букв. «сосуд для воды». В этом термине βnṭn соответствует, очевидно, древнеиндийскому *bāndhana*, имеющему среди многих других значения «оболочка, покров, чехол, футляр». Возможно, что к /ārvandan/ восходит п.-хор. ʾbβnk «сосуд для воды». В.Б. Хеннинг возводил это слово к *ār-barana⁷¹.

ТЕКСТ ИСАКОВСКОЙ НАДПИСИ № 3

3. Исаковская надпись № 3 (рис. 8, 9 – см. вклейку) – парфянская, она нанесена точечным пунктиром (*pointillé*) на внешней стенке чаши у самого ее края. Вес 1290,0 г. На внешней стороне сосуда – два кольцевых утолщения, имеющих спиралевидную структуру. В центре выгравировано изображение крупного цветка, состоящего из восьми лепестков; на некотором расстоянии от цветка – два орнаментальных круга, второй из них – у края сосуда.

Краткая надпись (рис. 10 а, б – см. вклейку) содержит обозначение веса сосуда: k 10 + 5 s 1 ZWZʾ 1 «15 к(аршей), 1 с(татер), 1 драхма». Диагностирующий признак парфянского письма надписи – форма *алефа* в слове ZWZʾ. В этом слове – идеограмме для парфянского *drahm* – все знаки написаны отдельно, лигатур нет⁷². Древнеперсидская мера веса *karša-* (или *křša-*), аббревиатурой которой служит буква *k* в надписи,

«в крепости Паракан, находящейся в распоряжении начальника (префекта, аккадское *šaknu*) Арийавахуша»; б) «через», например, ʾrtyn ʾbd šhrʾ znh lyd bgpt gnzbrʾ «Артайан сделал это блюдо. Через казначея Багапата (оно учтено или отправлено)». Ср. *Bowman R.A. Achaemenid Ritual Texts from Persepolis. Chicago, 1970. P. 120–122* и др.

⁷¹ *Henning. A Fragment... P. 6.*

⁷² В отличие от лигатуры Zʾ в парфянской надписи на чаше, найденной в кургане 1 у деревни Прохоровки (так называемая прохоровская надпись № 2). См. *Ростовцев. Ук. соч. С. 16. Табл. I.*

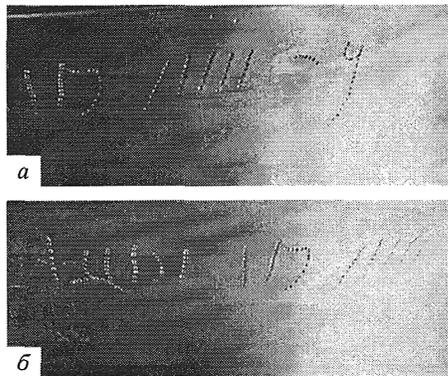
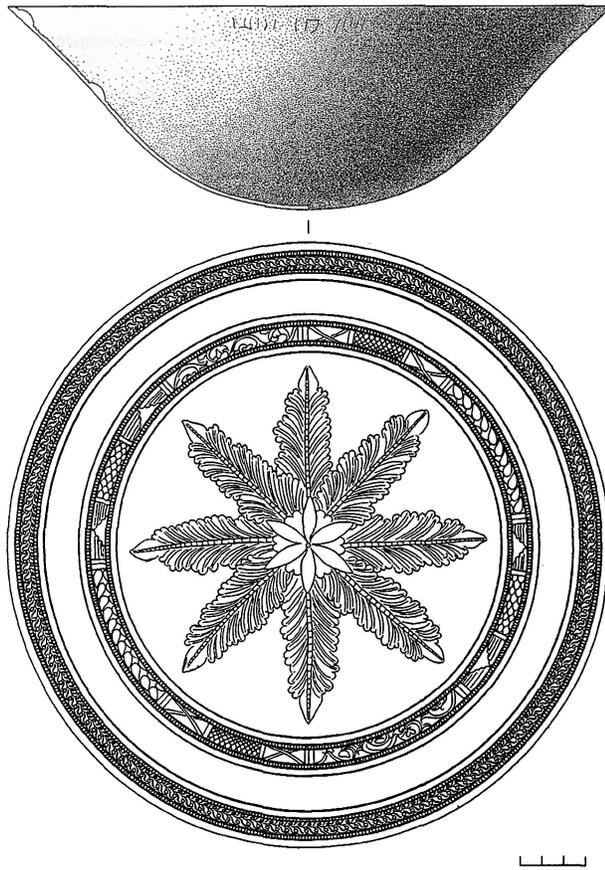

Рис. 9. Надпись и внутренняя поверхность. Прорисовка Я.В. Смеркиной

Рис. 10 а, б. Парфянская надпись на серебряном фиале № 3. Фото
Л.И. Погодина вкл. III

равнялась 83,3 г. (= 10 циклей). Вес стatera, обозначаемого аббревиатурой *s* (парфянское *stērak*), варьировал весьма значительно, наиболее распространенными для II в. до н.э., насколько я могу судить, были 16 и 16,5 г. Вес драхмы колебался чаще всего в пределах 4–4,5 г. Если исходить из этих данных, то вес исаковской чаши № 3 должен был составить 1249,5 г. Реальный вес сосуда – 1290 г. следует полагать, что величины карша (и статера?) в Хорезме второй половины III–II в. были несколько большими, чем соответственно 83,3 и 16–16,5 г.

Парфянская надпись на чаше из деревни Прохоровки, очень близкая по технике исполнения (*pointillé*) и структуре к исаковской № 3 (хотя, очевидно, более поздняя), содержит те же весовые единицы: *k 5 s 2 ZWZ² 1* – «к(аршей) 5, статеров 2, драм 1»⁷³. К сожалению, вес прохоровской чаши (она хранится в Оренбургском краеведческом музее) неизвестен; по нашим расчетам он должен составить около 450 г.

В той же технике, что и исаковская надпись № 3 и прохоровская № 2, выполнена парфянская надпись на золотой (так называемой «двойной») чаше из собрания Государственного Эрмитажа. Эта чаша публиковалась неоднократно, последний раз и наиболее детально К.В. Тревер⁷⁴. Надпись на эрмитажной чаше гласит: *k 9 s 1 ZWZ 3 MN kṛuhw* – «9 к(аршей) 1 с(татер) 3 драхмы. Из (имущества) Кари(а)хва (Karīahw?)». Согласно принятым нами величинам мер, вес этого сосуда должен составить 778 г. Реальный его вес, приводимый К.В. Тревер, равен 677,5 г. Разница в 100 грамм объясняется, очевидно, утратами «инкрустации холодной эмалью и вставных кусков цветного камня или стекла»⁷⁵.

Таковы параллели к парфянской надписи из Исаковского могильника. Несомненно, что основное значение для эпиграфического комплекса из этого памятника имеют хорезмийские надписи, несмотря на насыщенность их текстов идеограммами и связанными с ними трудностями интерпретации (особенно надписи № 2).

С исаковскими хорезмийскими надписями сближается по палеографическим признакам надпись на верблужьей челюсти, найденной Ю.П. Маньловым при раскопках крепости Бурлы-калы, расположенной на южной оконечности одного из отрогов хребта Султануиздаг⁷⁶. Надпись опубликована – это список хорезмийских имен собственных, как правило, надежно этимологизируемых и свидетельствующих в частности, что сами хорезмийцы возводили себя к племенной конфедерации дахов и что в конце III–II в. до н.э. (к этому времени я склонен относить надпись) хорезмийцы носили «младоавестийские» имена⁷⁷.

Исаковские чаши с хорезмийскими надписями, старейшими памятниками письменности древнего и раннесредневекового Хорезма, содержат важные данные по политической истории и искусству этой страны. Можно надеяться, что они привлекут внимание исследователей древностей Средней Азии.

⁷³ Ошибочное чтение приведено мною: *Лившиц В.А.* О датировке надписей... С. 169, где *k 9 s 2 ZWZ² 1*. Следует учитывать, что фотография прохоровской надписи № 2 в работе М.И. Ростовцева (*Ук. соч.* С. 16. Табл. I) очень нечеткая, а П.И. Коковцов в приложении к работе Ростовцева (*Ук. соч.* С. 82–83) чтения прохоровской надписи № 2 вообще не дал.

⁷⁴ *Тревер К.В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.–Л., 1940. С. 68.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Маньлов Ю.П., Ходжаниязов Г.* Городища Аязкала 1 и Бурлыккала (к изучению фортификации древнего Хорезма) // *Археологические исследования в Каракалпакии*. Ташкент, 1981. С. 38. Рис. 3, 2.

⁷⁷ *Лившиц В.А., Мамбетуллаев М.М.* Острак из Хумбуз-тепе // *Памятники истории и литературы Востока*. М., 1986. С. 39–41, 240. Ил. 4. К роли дахов в этногенезе хорезмийцев – имя *Daḥakīnak* (δḥ²kyṅk) «меч дахов», к типично зороастрийским именам – *Aspīwarīk* (?snywṛnyk) «верящий в Аспийа», авестийское *Aspua-* («относящийся к дню») – пятерка гениев, охраняющих пять частей суток (*Bartholomae*. *Op. cit.* Sp. 220). Имя *ḥtmtk* в этом списке отражает, очевидно, */Naḥuamak/*, от *naḥua-* «праведный, правдивый, сущный»; имя *ṛuḥu /Naṛuḥu/* «имеющий часть от божества»?

THREE SILVER BOWLS FROM THE FIRST BURIAL GROUND OF ISAKOVKA

V.A. Livshits

In 1989, when an expedition from Omsk State University was excavating the First burial ground of Isakovka (near Omsk), the archeologist L.I. Pogodin found three inscribed silver bowls in one of the graves. Two of the bowls bore Khwarezmian inscriptions, and the third, a Parthian inscription. The Khwarezmian inscriptions are the earliest of all known relics bearing the Khwarezmian language (they may date from the second half of the 3rd-2nd century BC) and the largest of all Iranian inscriptions on toreutique. The shapes of the letters of these inscriptions are still highly similar to Aramaic letters of the Achaemenide period («imperial Aramaic»), and there are many Aramaic ideograms in the text of the inscriptions, making difficult their decipherment.

Almost a whole of the first inscription has been read. Its translation reads as follows: «This feast bowl is from Barzawan, Takhumak's son. And now then: His Majesty, king Amurzham, son of the king Wardan, (this bowl) is made for his reward ... on the 3rd (of the month) *frawartin*». However, only a part of the text of the second inscription has been deciphered. It reads as follows: «This bowl... of the weight (?) 120 staters... to the sovereign Wardak – the reward to him ... Through Ruman Tir ...» In the first inscription, the word for bowl is *tasht*, a word known in many Iranian languages and borrowed into European languages (Russian *taz*). In the second inscription, the bowl is called *wātsak* – a word related to the Latin *vās* (<*vāts) "vase, vessel"».

The Parthian inscription on the third bowl contains only the weight: «5 karshes, 2 staters, 1 drachma». It is closely analogous to the inscriptions on a bowl from the village of Prokhorovka published by M.I. Rostovtzeff and P.K. Kokovtsov, and on the gold bowl kept in the State Hermitage (none of these inscriptions has yet been read).